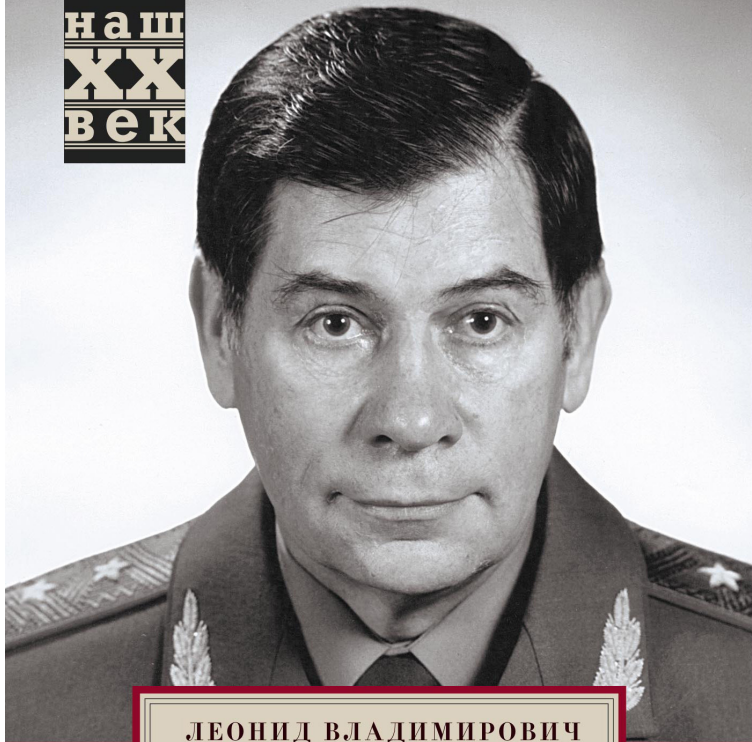

наш
XX
век

ЛЕОНИД ВЛАДИМИРОВИЧ

ШЕБАРШИН

★
РУКА МОСКВЫ
ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА
ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Леонид Владимирович Шебаршин

Рука Москвы. Записки

начальника внешней разведки

Серия «Наш XX век»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18531675

*Рука Москвы. Записки начальника внешней разведки / Леонид
Шебаршин.: Алгоритм; Москва; 2018
ISBN 978-5-227-07852-0*

Аннотация

Генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин за 29 лет службы прошел путь от оперуполномоченного до начальника советской внешней разведки. Он был очевидцем губительной «перестройки».

Эта книга стала итогом длительного, вдумчивого размышления об особенностях профессии разведчика вообще и советского в частности, о сути разведки как таковой, не сегодня и не вчера. Книга писалась автором всю жизнь. В ней нашли место дневниковые записи, зарисовки из путевых блокнотов о Пакистане, Индии, Иране, Афганистане. Ряд глав рассказывает о взаимодействии советской разведки с аналогичными службами бывших братских стран: ГДР, Болгарии, Кубы. Правдивостью, подлинной болью пронизан рассказ об августовском путче,

изменившем в сознании автора представление о многих ценностях, которым было принято поклоняться с детства...

Содержание

Рука Москвы	7
От автора	8
Зачем нужна моя работа	11
Марьино Роща	21
Карачи	35
Перемена в судьбе	59
Разведшкола	64
Знакомое солнце	73
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Леонид Шебаршин
Рука Москвы.
Записки начальника
внешней разведки

наш XX век

Серия «Наш XX век» выпускается с 2013 г.

наш
XX
век

Рука Москвы

Записки начальника внешней разведки

Любит ли свое дерево зеленый листок? Просто – он, лишь с ним связанный, – лишь ему принадлежит. И пока связан, пока зелен, пока жив, должен верить в свое родное дерево. Иначе – во что же верить? Иначе – чем же жить?

Михаил Осоргин

...Любезный приятель!., буде последующее описание жизни моей не будет для вас таково любопытно, весело и приятно, как вы себе воображаете, то вините уже сами себя, а не меня; ибо мне не достанется другого делать, как пересказывать вам только то, что действительно со мною случилось, и вы сами, верно, того не похотели б, чтобы я для украшения моего сочинения или для придания ему более приятности стал выдумывать небывлицы или затевать и прибавлять что-нибудь лишнее к бывшим действительно приключениям.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков

От автора

23 сентября 1991 года я последний раз вошел в просторный кабинет начальника Первого главного управления КГБ СССР. За окном березовая рощица, тронутая золотом осеннего увядания. Полки с книгами, портрет Ф.Э. Дзержинского и афганский пейзаж на стене, полдюжины молчащих телефонов, ни единой бумаги на столе. На полке фотография улыбающегося маленького мальчика. Это мой внук Сережа.

Я занимал этот кабинет с 6 февраля 1989 года, проводил в нем по 13–15 часов в сутки, работал в выходные дни, читал тысячи документов и беседовал с сотнями людей. Здесь, как мне казалось, ощущалось биение сердца планеты.

Надо запомнить все это. Если когда-то и доведется вновь побывать в этом кабинете, то только в качестве гостя.

С утра я был на Лубянке, в основном здании комитета, и начальник секретариата КГБ Д.А. Лукин по телефону известил меня, что указом президента М.С. Горбачева я освобожден от должности заместителя председателя – начальника Первого главного управления КГБ СССР. Соответствующий приказ подписан и председателем В.В. Бакатиным. Думается, что комитетское начальство могло бы найти более корректный способ сказать начальнику разведки, что его почти тридцатилетняя служба завершилась. Впрочем, это несущественно.

Я прощаюсь с делом всей своей сознательной жизни. Вот это существенно... Человек в молодости не может поверить в то, что жизнь когда-то кончится. Он живет так, будто в удел ему отведена вечность.

Под старость осознание конечности земного существования становится реальностью, неотъемлемой и привычной частью бытия. Об этом напоминают все фотографии давно ушедших из этого мира родственников и друзей; книги, где умные люди былых времен делятся своими радостями и горестями, ведут нескончаемые споры, раздумывают о смысле всего сущего; напоминают об этом старинные здания, покинутые навсегда их обитателями. Так было, так будет впредь.

Случается, что служба и жизнь составляют для человека единое целое, причем все светлые черты того, что именуется жизнью, с течением лет все больше и больше подчиняются интересам службы, растворяются в ней. Неприметно для себя человек начинает тосковать, отрываясь от своего дела, от рабочего места, чувствует себя потерянным в дни вынужденного безделья, которые бывают у него так редко. «Успешная служебная карьера, как и преступление, карается лишением свободы», – иронизирует сам над собой служивый.

Работа, которой долгие годы занимался я, интереснее, увлекательнее всего, на мой взгляд, что могла предложить жизнь. Так мне казалось, и кажется до сих пор. Жизнь – часть работы, и всегда думалось, что они пресекутся одновременно.

Не получилось. Служба кончилась, продолжается жизнь. Продолжается и то дело, ничтожной частичкой которого была моя работа. Это дело началось за столетия до моего появления на свет, оно не завершится до тех пор, пока живет Россия. Будут приходить все новые и новые люди, они будут умнее, образованнее нас, они будут жить в ином, не похожем на наш, мире. Но они будут продолжать вечное дело, частью которого были мы и наши безвестные предшественники, они будут служить обеспечению безопасности России. Помоги им Бог!

Незадолго до отставки, в июле 1991 года, журналист спросил меня в интервью: «Что вспоминает разведчик в старости?»

Я ответил ему: «Это покажет очень недалекое будущее». Слова оказались пророческими, и будущее, о котором мы говорили, наступило невероятно быстро. Оно стало моим настоящим.

Разведчику нужна хорошая память. Отставному разведчику нужно умение выборочно забывать. Не замалчивать, а именно накрепко забывать все то, что может так или иначе нанести вред людям живым или бросить тень на память умерших. Прошлое всегда с нами. Неосторожное слово о событии, которое, казалось бы, принадлежит истории, вдруг осязаемо вмешивается в людские судьбы. Вот одно из правил, которым я руководствовался, берясь за перо.

Зачем нужна моя работа

Все живое вынуждено отстаивать свое право на жизнь. Выживает сильнейший – будь то животное, человек, организация, страна. Какое-то время может жить и слабый, но лишь постольку, поскольку его терпят сильные.

Среди бесчисленного множества обстоятельств и причин, влияющих на судьбу индивидуума или общественного организма, решающую роль играет знание как основа действия. Формулой «знание – сила» английский философ Фрэнсис Бэкон выразил универсальный, вечный и важнейший закон природы. Эта формула должна бы стать девизом одного из древнейших явлений в истории человеческого общества – разведки, искусства приобретения и приумножения знания о том, что сознательно скрывается. Уточняющее определение «сознательно» необходимо, поскольку познанием до времени неизвестных предметов и явлений, извечно существующих в природе, занимается наука.

Разведка – инструмент, с помощью которого человек проникает в то, что другой человек пытается скрыть. Возможно и более широкое толкование разведки – выяснение обстоятельств, которые благоприятствуют или препятствуют осуществлению того или иного действия, связанного с риском для замышляющего. Пример такого разведывательного предприятия дает один из самых ранних (хотя недо-

стоверный в деталях, но неоценимый по проникновению в оставшиеся неизменными на протяжении тысячелетий мотивы человеческого поведения) источников – Библия. Сорок дней и ночей плавал праведный Ной по водам Всемирного потопа, пока не пристал его ковчег к склону Арарата. Мудрый кормчий не стал рисковать жизнями чистых и нечистых, томящихся на борту его судна. Он послал в разведку ворона – безрезультатно, затем голубя – с тем же успехом, и лишь следующий голубь возвратился со свежим масличным листом: Ной узнал, что вода сошла с земли. Это классический пример разведывания обстановки с помощью доступных в то время технических средств.

Казалось бы, все изменилось с библейской поры. Нет ничего общего между техническими средствами наших и тех стародавних времен, но необходимость заменить невежество знанием, неуверенность – определенностью остается.

Разведка должна иметь четко определенные цели для того, чтобы работать эффективно. Постановка целей для разведки – прерогатива и обязанность высшего руководства страны. Эти цели вытекают из политических и экономических задач, стоящих перед государством. Чем энергичнее решаются эти задачи, тем результативнее работает разведывательная служба.

В этих условиях складывается четкий механизм обратной связи: поступающая информация побуждает творцов политики к действиям, эти действия, в свою очередь, требуют до-

полнительных данных. Разведка находится под постоянным контролем государственного руководства, с нее строго спрашивают за ошибки и упущения, но высоко оценивают успехи.

Разведка – инструмент политики. Она не может заменить политику и сама формулировать свои задачи. Ослабление требовательности верхов, отсутствие интереса к разведывательной информации могут вызываться различными причинами. Власть может быть ослеплена сознанием собственного всемогущества и всезнания, она с презрением отвергает все то, что идет вразрез с ее концепциями. Так поступил Сталин накануне нападения гитлеровской Германии на Советский Союз в 1941 году. Иногда надежные и авторитетные источники разведки лишь подтверждают какие-то, ставшие известными ранее данные. Высокопоставленное невежество не преминет в этом случае язвительно отметить, что оно уже читало это в газетах.

Мир секретности и мир открытости не отгорожены друг от друга непроницаемым барьером, они питают друг друга. Разумный политик не ожидает найти сенсационные сведения в каждом разведывательном сообщении. Секретная информация помогает корректировать видение того или иного процесса или события, вскрывает его реальную подоплеку, позволяет определить дезинформационный компонент.

В информации не нуждается не только высокомерное могущество. Она не нужна и власти, парализованной собствен-

ной слабостью. Утрачивая контроль за внутривластными процессами, беспомощно наблюдая за распадом государства, дезинтеграцией общества, нарастающей экономической разрухой, такая власть теряет способность проводить осмысленную, самостоятельную внешнюю политику. Власть с закрытыми глазами делает то, что диктуют ей неумолимые обстоятельства.

Любой инструмент – перо, скальпель, компьютер, молоток – полезны только тогда, когда их держат умелые и твердые руки.

Главный вопрос, который рано или поздно встает перед каждым человеком: «Зачем я? В чем смысл моей жизни? В чем смысл моей работы?»

Было бы чрезвычайно наивно отыскивать ответ на вопрос о смысле жизни, и не потому, что вопрос не важен. Трудно ответить на этот вопрос. Можно, пожалуй, остановиться на одном из привлекательных кратких определений «смысл жизни в служении людям» или «...в служении Богу». Но попытка построить логическую цепочку (...в служении людям. А смысл жизни тех людей, которым некто посвящает свою жизнь? В служении другим людям? А для тех, других?) приводит человека в зависимости от склада характера либо к выводу, что «жизнь прекрасна и удивительна», либо что «жизнь бездонна, пуста и бездомна» или «жизнь... такая пустая и глупая шутка».

Это разные полюса поэтического восприятия жизни, ко-

торое удивительным образом совпадает с житейски-философскими воззрениями и в конечном итоге ничем не уступает глубокомысленному и неосознанно пессимистическому суждению «жизнь есть способ существования белковых тел».

В качестве отправной точки для дальнейших рассуждений можно взять такую, не бесспорную, но совершенно необходимую для людей нашей профессии дефиницию: «Смысл жизни в служении делу». Не поклонение, не восхваление, не клятвы, не просто работа, не служба, а служение делу. Эта ступень достигается тогда, когда дело становится неосознанным, недеклалируемым стержнем существования, когда каждый шаг соотнобразуется с интересами дела, когда дело, не вытесняя житейские, духовные, интеллектуальные интересы человека, не приметно формирует их, превращая в ненужное и раздражающее все, что способно помешать делу. Если это «психология винтика», то я винтик – в меру своих способностей мыслящий, видящий свое место в порядке вещей, сознательно принимающий и приветствующий свою принадлежность делу, которое дает смысл моей жизни, и благодарный за это судьбе.

Для того чтобы служить делу, надо верить в его правоту, в то, что оно является частью чего-то большего, чем жизнь любого из его участников. Может быть, принять за точку опоры общечеловеческие ценности?

Нам долго морочили голову приматом классового подхода

ко всем явлениям действительности. «Морочили» – не потому, что в мире нет классовой борьбы. Понятием «классовая борьба» пользовались как ломиком, который способен взломать любую дверь, пробить любую стену или, в необходимых случаях, голову, дерзнувшему усомниться в мудрости власти. Опора на классовую борьбу, защиту угнетенных и эксплуатируемых в мировом масштабе вела к тому, что политика и идеология нашего государства независимо от своекорыстия, ограниченности или, напротив, благородства и самоотрешенности его отдельных руководителей принимали мессианский характер. Стремлением сказать миру новое слово, помочь миру выпутаться из тенет заблуждений и направить его на путь истинный Россия отличалась издревле. С течением времени и изменением обстоятельств усиливался соблазн перейти от проповедей к практическим мерам. Чтобы привести мир к торжеству социализма, а следовательно, торжеству справедливости для униженных, оскорбленных и угнетаемых, к торжеству классового подхода, нужны были жертвы со стороны тех, чьим трудом, кровью и потом создавалось наше Отечество, – со стороны трудового народа России. Во имя классовой солидарности его доля в общечеловеческих ценностях – хлеб, жилье, работа, свобода – неумолимо урезалась.

Времена изменились. В основе политики – «общечеловеческие ценности». Однако десять заповедей, Тора, Коран, Зенд-Авеста, Гуру Грантх Сахиб, Веды и прочие священные

тексты не мешали людям на протяжении столетий грабить, жечь огнем, топить в воде, насиловать друг друга. Христианские, мусульманские, арийские и прочие ценности, воспринимавшиеся их носителями как универсальные и окончательные, служили моральным оправданием неисчислимого множества сокрушительных войн и набегов – от Крестовых походов до вторжения Гитлера в Россию. Эти же ценности освящали и вековую несправедливость разделения человечества на богатых и бедных, на сильных и сирых и убогих, бояр и холопов.

Таким образом, мы оказываемся между Сциллой «классового подхода» и Харибдой «общечеловеческих ценностей». Судя по историческому опыту, неразборчивое применение последних совершенно определенно принесет не меньше горя, чем применение первых. В конце концов, лом остается ломом, даже если его назвать, скажем, дирижерской палочкой.

На что же опереться? Частью чего является дело, которому мы служим? Во что верить?

Едва ли стоит перечислять все то, во что по простоте душевной, по привычке полагаться на мнение тех, кто должен быть умнее нас, по легкомыслию верили мы, наши отцы, деды и прадеды. Мы горестно или радостно расставались со старыми заблуждениями лишь для того, чтобы сменить их на новые. Но на протяжении поколений для нас существовали и другие ценности. Мы верили в то, что добром должно

воздаваться за добро и злом за зло, что долг платежом красен, что каждый человек, которому хуже, чем тебе, заслуживает сострадания и помощи, что рука дающего не оскудевает, что семья – это не «ячейка», а семья и надо постоянно заботиться о своих дорогих и близких, что почетно «положить душу свою за други своя». Мы верили в то, что мы часть великого народа с великой героической и трагической историей, народа уникального и неповторимого, как единственные и неповторимы все другие народы. Мы верили, что то единство земли, людей и истории, которое называется Отечеством, выручит нас в тяжелый час, спасет от недруга, как спасало оно наших предков от татар, поляков, шведов, французов, немцев. Много сетовали русские люди на свое Отечество, кляли его порядки, временами бунтовали, но сплачивались на его защиту в лихолетье, прощали ему свои беды, ибо знали, чувствовали, верили, что дороже Отечества ничего нет.

Мы есть, мы живы, мы чувствуем себя людьми лишь потому, что у нас есть Родина. На этом мы будем стоять и с этой точки оценивать прошлое, судить о деяниях своих предшественников и современников, взирать в беспокойное будущее.

Так проясняется и суть нашего дела. Благо Отечества, благо народа, живущего на шестой части земной суши, – выше идеологических споров, личной и групповой корысти, политики сегодняшнего дня, выше амбиций и обид.

Но, возражаю я сам себе, видимо, о благе народа, Отечества пекутся и те, кто сейчас в перерывах между зарубежными поездками за чужой счет яростно топчет наше прошлое и настоящее, пытается тащить нас в будущее шведского ли, швейцарского или израильского образца? Разве они не патриоты? Спор на эту тему мог бы тянуться бесконечно. Ясно одно: единое, мощное, сплоченное государство на огромных европейских пространствах не будет оставлено в покое ни Западом, ни Востоком. Причина не в том, что оно угрожает чьей-то безопасности. До тех пор, пока оно существует в таком качестве, в мире невозможна монополия власти – военной, политической или экономической, невозможно господство никакой коалиции.

Возможно ли, что мир изменился, нам никто не угрожает, Запад собирается не грабить, а помочь России? Но для этого надо всего лишь цивилизоваться по западному образцу. Может быть, и возможно, но заплатить за это надо тем, чтобы позволить Западу упорядочить нашу неустроенную жизнь. А что, если, в отличие от стреляного воробья, мы вновь и вновь даем провести себя на мякине?

Десятилетиями мы следили за маневрами внешних сил, противников и партнеров, выявляли их тайные замыслы, подсказывали направления ответных ходов, вступали в острейшие схватки, несли потери. И всегда, в самых тяжелых обстоятельствах присутствовала мысль – за нами Отечество, мощное, неколебимое государство, за нами великий народ.

Мы даже верили словам «бастион мира и прогресса», а иногда «...мира и социализма». Противник не осмелился брать бастионы штурмом. Он добивается своего измором и изменой.

Борьба за Отечество продолжается на новых рубежах. Они неизмеримо ближе к сердцу России. Доля вины за все происходящее лежит и на нас. Так нужно ли сегодня наше дело? Нужно. Необходимо.

Марьи́на Ро́ща

Когда-то стоял в 14-м проезде Марьиной Рощи двухэтажный деревянный домишко под номером 15. Окружали его такие же серенькие домики с подслеповатыми окошками, дырявыми крышами, «удобствами» во дворе. Весной и осенью Марьи́на Ро́ща утопала в грязи, летом страдала от пыли и мух. Те деревья, которые когда-то росли во дворах, исчезли вместе с заборами в начале войны – топить было нечем. И пожалуй, не существовало в Москве места, которому так не подходило бы название – роща.

Тесно и скудно жили марьинорощинские обитатели – сапожники-кустари, извозчики, скорняки, рабочие небольших окрестных заводов и мастерских. В каждой квартирке жило по две-три семьи, по семье на комнату, и все пользовались одной кухней, где с трудом помещались кухонные столы. От неимоверной тесноты люди часто ссорились и в то же время охотно помогали друг другу, принимали близко к сердцу чужие горести, хорошо знали всех до единого жителей и своего и окрестных проездов. Были там семьи, искони имевшие репутацию непутевых – пьяницы, бездельники, мелкие воришки. В большинстве же населяли Марьину Рощу трудовые, не шибко грамотные, но очень неглупые, простые и порядочные люди – русские, татары, мордва, евреи.

Дом, в котором я родился и прожил двадцать восемь лет,

строили еще до революции. Поселилась там семья Лаврентьевых – дедушка Михаил Андреевич, бабушка Евдокия Петровна, их семеро детей. Семья прожила в этом доме до 1969 года. Конечно, семья изменилась – умирали старшие, появлялись младенцы, отселялись дядя и тетки, погиб на войне мой дядя Евгений Лаврентьев (было ему в ту пору немногим более семнадцати лет). Центром семьи была моя бабушка Евдокия Петровна.

Бабушка (она умерла в 1974 году восьмидесяти восьми лет от роду) рассказывала, что приехала в Москву со своим мужем Михаилом Андреевичем в 1903 году из подмосковной деревни Гари Дмитровского района. Были дед и бабушка мастеровыми людьми, сапожниками, и нанялись в Москве, в Дорогомилове, на работу к хозяину. Обжились в Москве, скопили деньги – оба были работящими и хозяйственными – и переехали в Марьину Рощу, где и обосновались надолго.

Дед мой Михаил Андреевич умер до моего рождения. Знаю по рассказам, что в 1904–1905 годах он участвовал рядовым солдатом в войне с Японией, вернулся революционно настроенным и всячески ругал царя Николашку. Воевал он и в империалистическую войну. Революционером в сегодняшнем понимании этого слова он, конечно, не был и бунтовать не бунтовал, но к власти относился очень критически. Дед открыл маленькую сапожную мастерскую, где работали он сам да бабушка, и так и остался до конца своих дней в разряде кустарей-одиночек. Была такая промежуточная со-

циальная прослойка, не очень в СССР уважаемая, но и не очень хулимая. Бабушка же продолжала заниматься башмачным ремеслом (была она «заготовщицей», то есть делала сапожные и башмачные верха) до старости.

Был у бабушки в тринадцатиметровой комнате, казавшейся тогда нам очень просторной, рабочий уголок – стояла там швейная машинка «Зингер», а на ней были разложены всякие привлекательные для мальчишек предметы: острые сапожные ножи, молоток, мрамор, на котором срезались края кожаных заготовок, кусок свинца для просечки в этих заготовках дырок. Удержаться от соблазна со всем этим поиграть было трудно, и то и дело раздавался горестный бабушкин голос – опять кто-то чинил карандаш сапожным ножом, или забивал гвозди сапожным молотком, или крутил и разладил машину. Тесно было, ребятишек много, и отгородиться или закрыться от них было совершенно невозможно.

Жили мы, несколько родственных семей, в разных комнатах, но все всегда тянулись к бабе Дуне. Ее ремесло и доброта здорово выручали нас во время войны. Очень туго приходилось моей маме, Прасковье Михайловне, которая осталась с двумя ребятишками да ничтожной зарплатой, и если бы не бабушка Дуня, то кто его знает, остались бы мы живы. Ведь поголодать и поесть картофельных очисток пришлось немало – время было суровое. Много работала бабушка, всем многочисленным своим потомкам помогала, и хоть и ругала нас часто, но делала это без злобы. Перестала она

брать заказы только тогда, когда состарилась. Тут стала она много читать и горевала, что не удалось ей в жизни получить образования – только и научилась, что читать, а писать практически не умела.

Самоотверженная была женщина наша бабушка. Помню рассказ о том, как в первый год войны пешком ходила она в Орехово-Зуево повидать своего младшего сына Женю, призванного в армию. Ноги отморозила, но дошла и увидела сына в последний раз – ему только-только исполнилось семнадцать лет...

Моя мама была второй дочерью Михаила Андреевича и Евдокии Петровны. Шестьдесят лет Прасковья Михайловна прожила в Марьиной Роще – с 1909 по 1969 год, – и полной мерой одарила ее жизнь всеми горестями и радостями бытия, только, пожалуй, доля горестей и трудностей была заметно больше. В учебе моя матушка, кажется, была не очень прилежна, закончила семилетнюю школу и пошла работать в артель. В 1931 году вышла замуж, в 1935 году родился я, а в 1937-м – моя сестра Лера. Была у нас на все семейство из четырех человек восьмиметровая комната. В ней и спальня, и столовая, и гостиная, и все что хочешь. Тесновато было. Когда я подрос, то спать приходилось на полу. Стояли в этой комнате кровать, диван, шкаф, стол и три стула – вот и все было хозяйство.

Владимир Иванович Шебаршин, мой отец, был коренным москвичом. Семья отца жила в Пуговичном переулке, неда-

леко от церкви Николы Теплого в Хамовниках, за нынешней станцией метро «Парк культуры». Бабушка по отцу Елена Ивановна Шулюкина происходила из семьи купца из подмосковного городка Талдома, училась в гимназии. Уж не знаю почему, может, была какая-то история в ее молодости, но выдали ее замуж за моего будущего деда, Ивана Кузьмича, как рассказывали в семье, и не по любви, и не по расчету, а просто так, чуть ли не в наказание. Иван Кузьмич служил приказчиком в обувном магазине. Отец его, мой прадед Кузьма Андреевич, был холодным сапожником. Сидел он на одном из углов у Никитских Ворот, под маленьким навесиком. В мороз и в жару, в дождь и в ведро приколачивал косячки, ставил заплатки да набойки. И клиентура у него, видимо, была из бедняков – человеку состоятельному у холодного сапожника делать нечего.

Владимиру Ивановичу много учиться не довелось. Пошел работать на фабрику «Парижская коммуна», вступил в партию, был призван в армию на действительную службу. Ему много пришлось походить в серой солдатской шинели – призывали вновь в 1939 году, а потом, уже надолго, – в 1941-м. Был ранен, награжден орденом Красной Звезды и закончил войну в Венгрии.

Туго нам приходилось без него. Хлеб во время войны давали по карточкам – четыреста граммов в день по детской и четыреста пятьдесят по «служащей» – мама работала в домоуправлении. Добыть какую-нибудь еще еду было неверо-

ятно трудно, а меня угораздило однажды потерять хлебные карточки всего семейства на целых десять дней. Вот горе!

Холодно было зимой. Дров давали мало, заборы, сараи, а кое-где и двери сожгли в самом начале войны. Поставили все в своих комнатах железные печки «буржуйки», трубу – в форточку, готовили на них и около них грелись. В школе сидели, не снимая пальто, чернила в чернильницах замерзали (шариковых ручек в ту пору еще не изобрели). Тетрадей тоже не было, и писали на чем придется.

Но самым страшным был не голод и не холод. Для наших старших страшнее всего были извещения с фронта – похоронки. Только один наш маленький дом потерял на войне пятерых молодых ребят, и двое вернулись калеками. Мой дядя Владимир Уваров был ранен зимой 1941 года под Нарофоминском и вскоре умер. Простудился и умер дед Иван Кузьмич, умерла сестра отца тетя Люба, погиб на фронте ее муж. Мы, маленькие тогда ребяташки, не понимали смысла происходящего и воспринимали жизнь без вопросов, такой, какой она была.

Помню, мама посылает меня, семилетнего мальчика, за газетой. Бегу по Шереметевской к газетному киоску и забавляюсь – опускаю монетку за ворот рубашки, встряхиваюсь – и монета выпадает из штанишек в марьинорошинскую пыль. Мои грудь и живот покрыты фурункулами. Лекарств нет – идет 1942 год. Под рубашкой я обмотан не бинтом (бинтов тоже нет), а куском ткани, отрезанной от старой простыни.

К нарывам приложены листья подорожника, будто бы помогающие при воспалениях. Все это меня не очень беспокоит. Опускаю монетку очередной раз за воротник, и — о, горе! — она завалилась за повязку, и извлечь ее никак невозможно. Газету раскупают без меня. Мама не сердится...

Нам повезло: отец вернулся с фронта живым. Еще до войны он сменил профессию и работал в рыбном магазине — тогда коммунистов направляли на укрепление советской торговли. Работал он на Сретенке, потом на Колхозной площади, сразу после демобилизации пошел в рыбный магазин на Арбате, заместителем директора. Жизнь постепенно налаживалась. И наладилась бы, если бы не еще одно последствие войны. Отец, который был раньше трезвенником, приобрел там, в окопах, привычку к спиртному.

Отец был человеком с приятной речью и сдержанными манерами. Сентиментальности за ним не замечалось, да и откуда ей взяться у солдата, прошедшего войну, но был он вежлив с окружающими и внимателен к своим близким. Очень любил отец читать. Благодаря ему появились в нашем доме книги. Вся наша большая родня относилась к моему отцу с уважением, хотя в особенно близких отношениях ни с кем из них он не был. Компаний отец не любил и в трезвом состоянии был молчалив, но, к сожалению, периодически впадал он в запой и преображался до неузнаваемости. Нет, он не буйнил, не бесчинствовал, к прохожим не приставал, а становился невероятно общительным и щедрым, любого встреч-

ного и поперечного мог пригласить в гости. Кончалось это всегда тяжелым болезненным похмельем, сердечными приступами, зароками больше не пить, а через какое-то время все начиналось сызнова. Завершилось дело трагически. В начале июня 1951 года стал собираться отец на работу, потерял сознание, а через два часа помер от кровоизлияния в мозг. Шел ему сорок третий год. Похоронили отца на Миусском кладбище.

Я учился в девятом классе, сестра – в седьмом, у мамы нашей никакой специальности. Пошла она работать диспетчером на автобазу с зарплатой четыреста рублей тогдашними деньгами, а нынешними – сорок. Быстро пришлось продать немногие оставшиеся от отца вещи, книги. Надо было на наши ничтожные доходы и кормиться, и какую-то одежку покупать. Жили впроголодь, но, спасибо маме, она не заставила меня прекратить учебу и идти работать. Я же стал хорошо учиться. Переживал за всех, и очень хотелось выбиться в люди, хотя бы для того, чтобы семья могла жить нормально. Учеба пошла легко. Сам удивлялся – все стало понятным, к доске выйдешь – никаких трудностей, пятерка за пятеркой. Закончил школу с серебряной медалью. Было это в 1952 году. Именно в том году отменили для медалистов вступительные экзамены в институты.

Итак, аттестат был, медаль была, не было только ни малейшего осознанного представления, куда же пойти учиться. Я надумал, по совету своего родственника, кадрового во-

енного Владимира Аркадьевича Кочерова, поступать в Военно-воздушную академию имени Жуковского. Документы мои в академии приняли, экзаменов сдавать не надо. Вышла заминка с медкомиссией. Требования там были исключительно жесткие, полежал я денька три в госпитале на обследовании, и врачи посоветовали мне не рисковать – отчислят, дескать, курса с третьего, только время зря потеряешь. Я загоревал, поскольку уже мнил себя военным летчиком-инженером. Что делать? Приятель посоветовал пойти в Институт востоковедения. Почему бы и не податься в востоковеды? Поехал в Ростокинский проезд и без особых хлопот был принят на индийское отделение. Стал учить язык урду, все, что касается Индии, – историю, географию, литературу. Стал получать стипендию – сразу немного полегчало. Но очень немного. Помню, по чьему-то доброму совету обратился в кассу взаимопомощи, и мне выдали ссуду в семьдесят рублей на покупку ботинок.

Учиться было легко и интересно. Непривычна была сама обстановка. В военные и послевоенные годы в школах обучение было раздельное – мужские школы и женские школы, а в институте все вместе, все чувствуем себя взрослыми людьми и этим щеголяем друг перед другом. Преподаватели с нами обращаются как со взрослыми, на семинарах можно говорить умные вещи, и урду пишется такими закорючками, что никто понять не может, а ты понимаешь. Первую сессию я сдал на пятерки, а уж потом так и сдавал все экзамены

только на «отлично» до самого окончания института. Лишь за дипломную работу получил «хорошо».

Взрослая жизнь для мальчишки таит много опасностей, ощущение самостоятельности кружит голову. К счастью, иммунитет от дурных влияний выработался, видимо, еще в Марьиной Роще. Учился, играл в футбол, бегал, катался на коньках. Институт давал редкую возможность удовлетворять страсть к чтению, которой я, насколько могу припомнить, «заболел» в первом классе, как только научился читать. Приятели мои оказались людьми читающими, имеющими доступ к книгам, о которых я только слышал. Сейчас эти книги широко издаются, но времена тогда были другими. Не одобрялись Достоевский, Андреев, Есенин, практически все поэты предреволюционной поры, только что были подвергнуты опале Ахматова и Зощенко. Помогала учиться, конечно, студенческая среда, в которой все страстно, не по обязанности, а по убеждениям (с оглядкой, конечно: даже молодежь в ту пору должна была быть осмотрительной), горячо обсуждалось, а из этих обсуждений и складывалось не вполне ясное, но достаточно прочное впечатление, что живем-то мы во времена необычные и великие. Конечно, о величии времен и живых вождей мы и читали, и слышали ежедневно и ежечасно, но происходило свое неофициальное и неформальное осмысление действительности, пробивались росточки собственного мышления.

В марте 1953 года умер Сталин, его смерть показав-

лась нам, мальчишкам и девчонкам, катастрофой. Шли по Москве бесконечные мрачные траурные колонны, возникала чудовищная давка на перекрытых улицах, гибли в них десятки, а может быть, и сотни людей, как это было при спуске с Рождественского бульвара на Трубной площади. Пытались и мы с приятелями пробиться в Колонный зал. Нам намяли бока, оттоптали ноги, мы промаялись в огромной толпе у Петровских Ворот всю ночь и лишь утром, несолоно хлебавши, возвратились по домам.

Катастрофы, как нам думалось, не произошло, а улучшения в нашей общей жизни наметились довольно скоро. Это был наглядный урок здравого исторического смысла. Каким же образом, почему никто так долго не мог понять, что вождем нашим был человек далеко не безупречный, мягко говоря? Как же можно было все, что удалось сделать на протяжении многих лет огромному народу, считать результатом гениальности, проницательности, железной воли, мудрости одного-единственного человека? Вот на такие вопросы мы пытались ответить. Да разве только мы?

Под шум всеобщих преобразований упразднили наш Институт востоковедения и перевели нас в 1954 году в учреждение, само название которого вселяло трепет в наши сердца, – в Институт международных отношений. Оказалось, что и там учатся такие же люди, как и мы, некоторые поумнее, некоторые поглупее, а в общем обычные студенты. Располагалось тогда здание этого института у Крымского моста.

Мы – «восточники», коренные мгимовцы – «западники». Помещений в институте не хватает, учимся в две смены. Нас, «восточников», стало меньше, часть наших сотоварищей перевели в другие институты, и держимся мы друг за друга крепче. Я близко схожусь с Витей Прокуниным. Он книжник, умница. С нами Борис Васильев – бывший танкист, человек основательный, уже умудренный жизнью, неназойливо, по-доброму опекающий нас, вчерашних школьников. В наш кружок входит и Седа Алиханянц, дочь одного из создателей советского ядерного оружия академика Абрама Ивановича Алиханова, красивая, скромная и умная девушка. (Она и Витя Прокунин скоро поженились. Так появилась первая, пожалуй, семья на нашем курсе. Летом 1973 года, приехав в Москву в отпуск, я позвонил Прокунину и узнал горестную весть – Витя умер от инфаркта, оставив Седу с двумя маленькими мальчишками. К тому времени не стало и ее отца, и Седа в одиночку вырастила двух прекрасных, самостоятельных и любящих ее мужчин – Никиту и Максима. С Борисом Васильевым, работавшим в ТАСС, мы сохранили добрые отношения на всю жизнь. При встречах вспоминаем, как ездили вместе на целину, путешествовали по раскаленной равнине Синда, купались в Аравийском море, темной индийской ночью ездили смотреть Сураджджунд – старинный священный водоем под Дели, поминаем старых друзей, увидеться с которыми на этом свете уже не придется. Но до тех пор, пока мы помним и говорим о них, они живы.)

Оттого что я стал учиться в другом учебном заведении, мое благосостояние не улучшилось. Ездить из Марьиной Рощи стало неудобнее и для меня заметно дороже – восемьдесят копеек на автобусе, да еще полтинник на метро в одну сторону. В лучшем случае оставалось денег на стакан чая да пирожок. Дома было голодно. Хотя к тому времени поступила в пединститут Лера и тоже стала получать стипендию, кажется двести сорок рублей, жили мы не просто бедно, а нищенски. Не я один был в таком положении. Приходилось разгружать вагоны или работать на овощной базе. Потом уже, освоив язык урду, я стал подрабатывать в издательстве «средневековым» трудом – перепиской рукописей. Эта работа оплачивалась лучше.

В 1956 году мы побывали на целине, в Казахстане, на уборке первого целинного урожая. Это запомнилось на всю жизнь. Долго ехали поездом, потом на грузовиках прибыли в сердце казахской степи – село Севастополь Урицкого района Кустанайской области. Меня определили помощником комбайнера, и мы с комбайнером Петей из Бреста принялись косить и обмолачивать бескрайнее пшеничное поле. Интересно все было чрезвычайно – степь я раньше никогда не видел, не ощущал сухую степную жару, да и не приходилось руками работать от восхода до заката. Должность помощника комбайнера вообще ответственная и беспокойная, я же был заодно и копнильщиком – то есть вилами солому в копнителе разгребал. Солнце печет, ость пшеничная колючая летит.

Ворот рубашки не расстегнешь, кепку не снимешь, да и в бане за три месяца были всего лишь один раз. Все это нас мало беспокоило – работа увлекла. И люди здесь как-то по-другому раскрылись. Учились ведь вместе несколько лет, и все казались друг другу очень хорошими ребятами, а целина показала каждого и с хорошей, и с плохой стороны. Научились кое-чему за лето, узнали, какой ценой достается хлеб, и, что было очень существенно, заработали денег. Вот итог целинного лета для всего нашего отряда. Для меня же это лето стало действительно незабываемым. На одном курсе со мной, на китайском отделении, училась Нина Пушкина. Конечно, мы с ней были знакомы, но не более. В это целинное лето мы увидели друг друга заново, и неразлучны с тех пор уже много-много лет.

Вернулись мы в Москву в сентябре, а в январе следующего года поженились. Снимали комнатенку у деда Нины. Оба получали стипендии, я подрабатывал. Словом, жили как птицы небесные и были очень довольны друг другом. Это и было счастье.

На шестом курсе, в начале 1958 года, меня послали на практику в Пакистан. А в конце того же года мы вместе с Ниной отправились туда же, в город Карачи, в нашу первую долгосрочную служебную командировку.

Ну что же, прощай, Марьина Роща! Здравствуй, Азия!

Карачи

Мы жили в здании нашего посольства – в старинном, начинающем разваливаться здании. Комната была маленькой и сырой – на полу выступали непросыхающие лужи. Но нам думалось, что лучшего и желать нельзя.

Работа мне показалась очень интересной. Я был назначен помощником и переводчиком посла. Послом был ныне покойный Иван Фаддеевич Шпедько. Он очень хорошо меня принял, многому научил, по-настоящему помог освоиться в незнакомой обстановке.

В июле 1959 года в пакистанском городе Карачи родился наш сын Алеша.

Из тетради воспоминаний

В пасмурную, с дождями и снегами, с ледяным ветром и туманами погоду мне часто снится мой Восток, места, где провел большую часть своей жизни.

Карачи и Равалпинди, Пешавар и Лахор, Дели, Тегеран, Решт, Энзели, Исфаган, Кабул, Герат сливаются во снах в один причудливый город.

Я живу в этом городе, разговариваю на урду и на фарси и удивляюсь, что еще не забыл эти языки, вижу снежные вершины гор, подступающих к самому городу, и изогну-

тые дугами ветви пальм, люблюсь окутанной дымкой панорамой города с минаретов, иду по узким, горбатым, мощеным крупным булыжником улочкам и вдруг оказываюсь на широком зеленом, залитом солнцем проспекте. Или бегу по горной тропе вдоль извилистой и бурной речки.

Я дышу азиатским воздухом – во сне он лишен запахов, но я знаю, что он пахнет остро ипряно, им дышится легко даже в жару.

Азия зеленых радостных гор и мрачных, отвесно вздымающихся к небу кряжей, Азия ослепительно чистого, тончайшего песка побережья Аравийского моря и выжженных красноватых пустынь, уличного веселого многолюдья и разъяренных, беспощадных слепых толп, Азия одуряющей жары и живительной прохлады – эта Азия у меня в крови. Я прошу судьбу, чтобы эта Азия снилась мне до конца моих дней...

Пешавар. Март 1958 года. Рано утром я шагнул из двери маленького кирпичного коттеджика на лужайку университетского городка. Просторная зеленая равнина, окаймленная вдалеке крутыми снежными горами. В прозрачайшем воздухе каждая складка на склоне гор, каждый уступ видны так отчетливо, будто какой-то художник-гигант нарисовал их искусным карандашом, тонко заштриховал и подкрасил акварелью. Беспредельное небо можно увидеть и в море, и в степи. Но в предгорьях отдаленные вершины подчеркивают глубину легкого, нежно сияющего бирюзой свода. Ласково касается лица, осторожно трогает его теплыми лучами

весеннее пешаварское солнце. Мелкими желтыми цветами усеян кустарник, и теплыми волнами идет от него сильный медовый аромат.

Все это – солнце, голубое небо, горы, зеленая равнина, запах меда, волшебная неосвязаемость воздуха; живая тишина – жужжание пчел, птичий щебет, шорох гравия под ногами, – все это отпечаталось в памяти не отдельными образами, а целостным, небывало радостным ощущением счастья. Мне было двадцать три года.

* * *

Должность помощника и переводчика посла показалась мне многотрудной и интересной. Она давала возможность познакомиться со многими крупными деятелями Пакистана, иностранными послами, видными бизнесменами, учиться искусству дипломатической беседы, узнать многое, недоступное младшему сотруднику посольства. В 1959 году я был назначен на должность атташе, по этому случаю сшил костюм у лучшего пакистанского портного Хамида и почувствовал себя дипломатом.

В 1960 году послом СССР в Пакистане стал М.С. Капица – человек необъятной эрудиции, широкой души и неортодоксальных взглядов. Михаил Степанович курил сигары, любил выпить хорошего коньяку, прекрасно говорил по-китайски и по-английски и остроумно шутил. Переводчик был нужен

послу для записи бесед, выполнения поручений, поездок по стране, где без знания местного языка обойтись трудно. Работать с Капицей было легко.

В январе 1961 года молодой министр природных ресурсов Пакистана Зульфикар Али Бхутто пригласил Капицу с супругой посетить родовое имение семьи Бхутто в Ларкане.

Посол и его жена, Лидия Ильинична, отправились в дорогу поездом до Саккара, а из Карачи был выслан «додж» с водителем и переводчиком. Переводчиком был я.

Из записных книжек

...В январе прохладно даже в Синде и его главном городе Карачи, расположенном на каменистом берегу Аравийского моря и окруженном с трех сторон пустыней, красновато-серыми безжизненными холмами с редкими зарослями кактусов. Совсем редко мелькнут высокие безлистные кусты акации, маленькие озерца с каменистыми берегами и стаями птиц на воде. Голо, пусто, неудобно.

Наша машина проскакивает Татту – заброшенную столицу мусульманских правителей Синда. Полуразрушенные ажурные, украшенные богатой резьбой павильоны из красного камня, гробницы ханов и эмиров, кактусы торчат жесткими щетками под ярко-голубым небом. Необъятные чужие дали. Чужая история.

За Таттой чаще попадаются обработанные поля, пасутся

стада коз – длинные висячие уши, головы молотком. Козы встают на задние ноги и общипывают веточки акаций. Независимые и озорные мальчишки-пастухи вооружены маленькими топориками на длиннющих, как пики, топорищах. Это и посох, и инструмент, помогающий пробираться в колючих зарослях.

На горизонте время от времени появляются купы высоких деревьев. Значит, там есть пруд или канал. Заманчиво в пустынной местности выглядит их тень, приятно поглядеть на текущую в канале воду – шоколадно-серого цвета, красноватого оттенка, густо-коричневую, но всегда живую. Где есть вода – есть жизнь.

Сияет азиатское солнце, но не палит безжалостно (зима!), не пытается иссушить тебя, а лишь приятно согревает. Ни ветерка, ни шелеста листьев, только птичьи крики да журчание воды.

Проходит вдали караван верблюдов, и приглушенно доносится звук караванных колокольчиков. На шее каждого верблюда подвешен пустотелый медный цилиндр, издающий глубокий, мягкий и очень неспешный, как сама поступь этих животных, звон. Пахнет прогретой землей, зеленью соседнего поля, горьковатой акацией, даже у воды есть свой едва ощутимый, чуть-чуть болотный, но приятный аромат.

Вот и Хайдерабад. Незабываем хайдерабадский «Риц» – лучший отель города. Трехэтажное бело-голубое сооружение на пыльной и донельзя заплыванной улочке, среди глинобитных заборов, не просыхающих даже в синдской жаре зловонных луж, меж зияющих разверстыми окнами и дверями лавчонок с ободранными вывесками. Постояльцев в этом отеле нет. Народ попроще предпочитает останавливаться в караван-сараях, мехманхане. Люди зажиточные останавливаются у знакомых, у родственников, а служивые – в государственных гостиницах, так что прибытие двух непривычного вида людей на большой черной машине вызвало легкую сенсацию в окрестностях дремлющей гостиницы.

Путешественников встречает в дверях босая личность, в европейского покроя брюках и заправленной в них, вопреки местному обычаю, рубашке, менеджер.

Номер – две плетенные из веревок кровати – чарпаи, накрытые измызганными, серыми с разводами простынями; санузел – кран в стене и дыра в полу. Решили умыться, пообедать и следовать дальше, о чем и сообщили озадаченному, но не очень огорченному менеджеру.

Обед примечателен обилием перца и мух. Мраморный столик в столовой издалека показался черным. Ожидавший гостей официант – рубаха навывпуск и босиком – взмахнул

тряпкой, и черная поверхность моментально побелела, а тишина заброшенной столовой сменилась отчетливым жужжанием. Еще взмах тряпки над столом – мушиное войско рассеялось по комнате. Во всяком случае, обращать на него внимание уже не стоило, надо было только следить, чтобы наиболее дерзкие насекомые не пикировали в суп. Перец во всем – в супе, курице, подливке к курице, в тарелке вареного риса. Только в чапати, плоской, свежее испеченной из муки грубого помола лепешке, перца нет.

Простая еда чапати – мука, вода и соль; замешивается тесто, раскатывается тонко, кладется на специальную подушку и одним движением припечатывается на стенку тандыра – врытого в землю глиняного широкогорлого сосуда, на дне которого тлеет уголь. Стенка тандыра раскалена, тесто плотно приклеивается к ней и быстро пропекается. Пекарь берет два длинных железных крючка, запускает их в горловину печи и быстрым уверенным движением (все пекари на Востоке движутся очень быстро и складно) достает благоухающую самым мирным и самым приятным в мире запахом горячего хлеба чапати. Есть ее надо, пока она не остыла.

Грустный городок Хайдерабад. Мрачные, ободранные стены, изукрашенные лишь невообразимой пестроты вывесками и сохнувшим прямо над улицей бельем. Канализации в городе нет. Проложены по улицам стоки для нечистот, но течь им некуда – все высушит палящее солнце и ветер. Ревет динамик, установленный на крыше такого же обшарпан-

ного, как и все вокруг, здания кинотеатра, дребезжащим и оглушительным голосом поет популярная актриса. Пластинка давно истерлась, и аппаратура никуда не годится, но народ слушает с удовольствием.

Женщину в городе можно увидеть только под тяжелой чадрой, квадратное окошечко для глаз заплетено густой сеткой, полы чадры метут по земле. Спешат женщины – их место дома. Мужчины сидят в чайханах, ходят в кино, гуляют, взявшись за руки, по улицам, мирно беседуют на перекрестках, и чужестранец, привыкший к иного вида толпе и иным порядкам, начинает слегка тосковать – очень уныл город без женского лица.

Сердце и душа каждого восточного города – базар. Базар – это не только место, где можно что-то продать и что-то купить, это средоточие жизни. На базар идут за новостями, за дружеской беседой, здесь вершится городская политика, создаются и рушатся репутации, формируется общественное мнение, наживаются и растрачиваются состояния.

Оглушительный звон стоит в медном ряду. Десятки молоточков выбивают замысловатые узоры на медных блюдах, стаканах, кувшинах, привычно чертит мастер рисунок – то же чеканил его отец, дед, прадед, его же будет выводить и сын до тех пор, пока сохранится спрос на медную посуду.

Улочка переходит в улочку, товар сменяется товаром, и за каким-то поворотом резкий, всепроникающий запах сточной канавы, конюшни и отхожего места – так пахнут ста-

рые восточные города – вдруг смешивается с острым пряным ароматом. Стоят открытые мешки со всеми мыслимыми сортами перца красного, черного, зеленого, в стручках, горошком, молотого, тертого, здесь же деревянные лари с корицей, гвоздикой, диковинными, неизвестными нам специями, стеклянные банки с душистыми травами, и над всем этим великолепием, втиснутым в маленькую лавчонку, сияет темно-красная, густая, окладистая борода хозяина – будто с умыслом окрасил он ее в цвет красного перца. Рядом такая же лавчонка, и напротив, и еще, и еще. Закрой глаза, почувствуй симфонию ароматов, она не повторится ни в Карачи, ни в Лахоре, ни в Пешаваре, только здесь, в Хайдерабаде, меж старых кирпичных стен, в прогретом, сухом, совершенно неподвижном воздухе можно ощутить этот древний, как сама Азия, букет.

И снова дорога. Каменистые холмы справа, распаханное поле слева. На красновато-серой земле выступают белесые пятна, будто выпал легкий снежок в этих краях, никогда не знавших холода. Почва заселяется. Понастроили плотины и каналы, избыточное орошение поднимает уровень подпочвенных, соленых вод, они выходят на поверхность, испаряются, оставляют тонкий пушистый слой белоснежной селитры. Больше на этой земле уже ничего не вырастет – еще одна беда для крестьянина. Многие бросают землю, идут в город на заработки, на поденщину – грузчиками, землекопами, чернорабочими, навеки отрываются от родных мест.

Мир суров. В азиатской отсталой стране (термин «развивающаяся страна» был изобретен вежливыми международными дипломатами) действительность жестока, грубое насилие пронизывает всю ткань общественных отношений, полное равнодушие к судьбе соотечественника (неимущего соотечественника) является нормой жизни. Индустриализация, перекачивание разоренного населения в города разрушают традиционные, сохранившие какие-то крохи гуманности, отношения между людьми.

Остановились на ночлег в дак бангла (или бунгало) – служебной «почтовой» гостинице. Когда-то такие гостиницы, учрежденные по всей Индии еще англичанами, предназначались для командированных чиновников. Бунгало – небольшой, построенный в английском колониальном стиле, расположенный на просторной и опрятной лужайке, за невысоким забором дом. Высоченные, в два с лишним человеческих роста, потолки, закрытые ставнями большие окна и высоко под потолком окошки поменьше, для притока воздуха. Та же самая, универсальная для здешних мест мебель – чарпай, стол и два стула. Пустовато, пыльно. Электричество не проведено, и с потолка вместо привычных вентиляторов свисает стародавняя панкха – обтянутая материей деревянная рама, подвязанная за один край к балке. От нижнего края панкхи идет к полу длинная веревка, и обязанность слуги (у каждого джентльмена, останавливающегося в бунгало, должен быть слуга) заключается в том, чтобы с ее помощью рав-

номерно раскачивать панкху и создавать ветерок в помещении. Дело, по видимости, нетрудное, но каких усилий стоит сидящему на полу и плавно, ритмично дергающему веревку человеку не уснуть в расслабляющей жаре. Зимой панкха, к счастью, не нужна.

Тьма в этих краях приходит внезапно. Только что было светло, подкатило солнце к горизонту, окрасило полнеба во все оттенки красного цвета, завалилось за холмы, и через несколько минут устанавливается непроглядная темень. Смотри на звездное небо в полной, не нарушаемой ни одним звуком тишине – даже собаки умолкают в деревне, а шакалы еще не вышли на охоту. В такие минуты охватывает человека ощущение первобытного умиротворения, покоя, смиренного принятия своей ничтожной малости под черной твердью, сверкающей неисчислимым множеством голубоватых ярких огней. Огни мерцают, переливаются, вроде бы даже спускаются поближе к земле, слегка перемещаются и застывают, как только глаз пытается уловить их призрачное движение. На каждого жителя нашей планеты хватило бы по звезде, да жаль, не достанешь, не доедешь, не долетишь!

Издалека доносится протяжный, прерывистый скрип. Волокут круторогие быки тяжелые синдские повозки – колеса выточены из цельного кругляка больше метра поперечником, окованы медными узорчатыми бляхами. Смазки они не знают, трется сухая деревянная ось о деревянную же ступицу и издает звук, тянувшийся за обозами Тамерланова вой-

ска и арабских завоевателей и, пожалуй, самого Александра Македонского. Один из голосов вечности. В Синде часто думается о времени – здесь все из прошлого, из того, что давным-давно минуло для нас. Путешественник начинает вдруг понимать, что время, его части, именуемые эпохами, идут по-разному для разных народов, где-то проскакивают вперед, а где-то задерживаются на века, застывают в неподвижности, дремлют под скрип немазанных колес...

Встречаем в Санкаре посла с супругой и направляемся в Ларкану. Скоро появляются признаки подготовки к приему высокого гостя – советского посла. Смуглые худощавые люди поливают из кожаных бурдюков дорожное полотно. Въезд в город украшен триумфальной аркой, улицы подметены и политы, многолюдны. Еще бы – приехал сам министр, он принимает иностранных гостей, и, разумеется, каждый житель рад поучаствовать в демонстрации гостеприимства, радушия, дружелюбия. В лепешку расшибается собранная со всей округи провинциальная полиция. Мундиры выстираны и отглажены, медные набалдашники на бамбуковых палках – латхи – начищены до блеска, сияют бляхи, пряжки, ослепительно-белые зубы. Беспорядков не предвидится. Всем понятно, что происходит что-то вроде смотра, поэтому настроение и у толпы, и у полицейских хорошее. Бравый инспектор, встречающий гостей у ворот дома министра, пытается низко поклониться, разводит широко руками и чуть приседает. Согнуться в пояснице он не в состоянии по причине чрезы-

чайной тучности, но всем видом выражает готовность стремительно и неуклонно исполнить любой приказ.

Современный, строгих очертаний двухэтажный особняк министра выглядит в Ларкане чужеземцем – подтянутым, элегантным, богатым, с некоторым высокомерным недоумением взирающим на разномастное, простецкое окружение.

Дома в Ларкане похожи на небольшие крепости с тяжелыми, наглухо закрытыми дверьми или же слеплены из глины и стремятся расползтись по земле. Новенький особняк словно перенесен сюда из другого времени и другого края.

То же в самом доме и вокруг него. Влиятелен министр, популярен, современен, но его жена, Нусрат Бхутто, образованная молодая женщина, не рискнет появиться на улицах Ларканы без чадры. Старинные узы связывают собравшихся в саду возле дома званых и незваных гостей – близких и дальних родственников, глав дружественных кланов, старцев, чьи семьи поколениями служили семейству Бхутто, чиновников. Хозяин прост в обращении, каждого гостя знает по имени, и тем не менее прослеживается во всей церемонии строгая, понятная каждому из присутствующих иерархичность. Идет средних лет человек, в европейском костюме, красной рубашке, с лихими, закрученными кверху усами, идет походкой небрежной, улыбается обаятельно. И министр ему рад. Они обнимаются, как и положено двоюродным, давно не видевшим друг друга братьям. Целое семейство низко кланяется министру, по очереди тянутся руки к пыли у его

ног. Зуль-фикар Али не дает склониться старшему, ласково здоровается с ним, позволяет другим поклониться пониже. Вот фигура невзрачного вида, лет двадцати пяти, одетая по-просту – пиджак, рубаша навыпуск, широкие шаровары. Опережая других, подходит к министру, небрежно протягивает руку и неожиданно высоким петушиным голосом здоровается. Это Султан Магси – отпрыск старинного рода синдских джагирдаров, не уступающих ни богатством, ни знатностью роду Бхутто. Султан отпускает какую-то шутку, окружающие улыбаются, министр изображает улыбку – гость ему не очень нравится.

Султан появляется в доме министра и за обедом, так же небрежно усаживается за стол и громко подтрунивает над именитым застольем. Между делом выясняется, что Султан коллекционирует винтовки (гладкоствольные ружья его не интересуют) и собрал их ни много ни мало две тысячи стволов. Достаточно, чтобы вооружить ополчение, и, пожалуй, коллекция с такой мыслью и собирается – мало ли что может произойти. Совсем недавно, меньше двадцати лет тому назад, Синд бунтовал против англичан, крови пролилось достаточно, был повешен вождь восстания Пир Пагаро, а от Ларканы до Пагаро рукой подать.

Для посла же подготовлена развлекательно-познавательная программа. Пожалуй, вся поездка затевалась министром не только для того, чтобы поговорить с послом о политике. Зульфикар Али прекрасно знал цену личной популярности

и массовой поддержки. Министр и посол ездили вместе по синдской глубинке, выступали с речами перед народом, обменивались рукопожатиями, выслушивали сетования и жалобы, дарили подарки. Министр и посол вместе выступали на митинге в Ларкане. Министр обращается к слушателям – «дорогие братья и сестры». Оратор он прекрасный – зачаровывает публику, не оставляет равнодушным ни одного из сотен слушателей. О чем говорит министр? Что говорят вообще «большие» люди простому пакистанцу? (Один из родственников Бхутто кратко переводит речь министра для советских гостей.) Конечно же о справедливости, о том, что каждый должен трудиться и жить по предназначениям Всевышнего, о том, как правительство фельдмаршала Айюб-хана отечески заботится о всех гражданах своей страны, не отдавая предпочтения богатому перед бедным и образованному перед неграмотным. Говорит министр и о земельной реформе, о коррупции, о внешней политике. Сказаны добрые слова в адрес Советского Союза, посол которого почтил своим посещением Ларкану. Говорит министр складно, живо. Хороших ораторов в стране много (этому искусству в школах и колледжах по доброй английской традиции учат сызмала), Зульфикар Али – один из выдающихся. Аудитория отвечает аплодисментами на каждую фразу выступающего за министром советского посла. Посол говорит о дружбе, об уважении, которое испытывает советский народ к народу Пакистана, и в особенности к синдхам, хвалит министра. Теряет-

ся в переводе живость и остроумие его речи, но тем не менее все довольны – митинг получился торжественным, теплым и интересным. Сотни его участников пойдут по своим деревням и долгие месяцы, а то и годы будут рассказывать о министре, о после, о Советском Союзе.

Район Ларканы славен на всю старую Индию и за ее пределами утиной охотой. Здесь неподалеку даже есть город Шикарпур – охотничий город. Множество мелких озер, болот, поросших тростником, обильный корм неудержимо тянут водоплавающую птицу, и слетается ее сюда на зимовку видимо-невидимо.

Каждый охотник размещается на отдельном озерце. От первого же выстрела стая уток поднимается на крыло, но по дневной жаре далеко не летит, устремляясь к ближайшей воде. Там ее ждет другой охотник. От его выстрелов поднимается еще одна стая, и вся эта туча летит к третьему озеру, где ее тоже встречает гром выстрелов и свинец. Так и ходит птица по кругу над охотниками.

Синдхи любят музыку, и хозяева не преминули порадовать гостей концертом. Устроен под деревом помост, перед ним два ряда стульев и сколько угодно места на земле для всех желающих. В Синде никто тебя не осудит, если уважаемый человек развлекает своих друзей музыкой и ты присоединишься к слушателям.

Поют каввали – традиционные народные песни на религиозные темы. Простые стихи, простые сюжеты из жизни про-

рока Мохаммеда и первых правоверных, простая ритмичная мелодия. Играет певец на гитаре, аккомпанирует ему музыкант на флейте – мурли, да еще один отбивает такт на маленьком барабане – табле. Долго тянется песня, ритм ее постепенно убыстряется, певец, сидящий на помосте, раскачивается в такт музыке, глаза его закрыты, он не замечает слушателей. Какие замечательные, выразительные лица и у певца, и у аудитории! На лице поющего – страдание, даже вдруг слеза заблестела (он поет о внуке пророка, злодейски убитом под Кербелой), и слушатели горюют. Кавваль может довести слушателей до экстаза, до слез, до полного самозабвения.

Вечером поездка по родственникам министра, знакомство с захолустным помещичьим бытом. Мчат в сумерках машины по мягким дорогам, поднимают облака пыли, тонет в пыли угасающее солнце, бегут в сторону стада коз, теснятся к обочине повозки, одинокие всадники и путники. Из кирпичного дома высыпает навстречу орава суетящихся слуг – узнать их можно только по любезной повадке, никак не по одежде. Одеты все попросту, никакой формы, которой щеголяет прислуга в богатых домах Карачи и Лахора, все босиком – носить обувь в жилом помещении не принято.

Помещичий дом в Синде – это не только жилье, но и крепость в прямом смысле этого слова. Наружные стены без окон, двери тяжелые, обитые железными или медными полосами, массивные кованые петли – все выглядит вечным. Трудно представить себе такой дом новым, да едва ли кто-то

из живущих ныне и упомнит, когда он строился. В незапамятные времена поселились в этих местах Бхутто, дом перестраивался, достраивался, расширялся. Такой дом – надежная защита от разбойничьих шаек, время от времени наводящих страх на округу, и от недругов-соседей и убежище на случай гражданских смут, столько раз потрясавших Синд.

На следующий день отправляемся в Мохенджо-Даро – город мертвых (третье тысячелетие до нашей эры). В середине двадцатых годов археологи неподалеку от Ларканы раскопали настолько старый город, что в памяти живущих не сохранилось даже смутного эха его существования. Написано о Мохенджо-Даро много, а известно мало. Кто были жители города, на каком языке говорили, что за злая участь их постигла – эпидемия ли, голод, завоеватели – все это темно, погребено в тех глубинах, проникнуть куда может только фантазия.

Прямые, ровные и широкие, мощенные кирпичом улицы, окаймленные строгими рядами домов, остатки общественных зданий – стертый временем контур большого города, где кипела жизнь. Знаменитая статуэтка танцовщицы – грациозная, гордая женская фигурка, в музее хранятся скульптурные изображения животных, резные печати с обрывками никому не известных писем.

Грунтовые воды поднимаются, вытесняют наверх всеразъедающую соль, и в Мохенджо-Даро кирпичная кладка покрывается беловато-серым налетом, рыхлеет и разрушается.

Древний город мало-помалу исчезает, на сей раз – окончательно. Интересно, что в древнем городе не найдено оружия.

Поездка по Синду, совершенно очевидно, не замышлялась министром как познавательная и развлекательная. Зульфикар Али был политиком, стержень его бытия составляло неукротимое стремление к власти. Для политика такого склада не существует дружбы, глубоких привязанностей, личных симпатий, увлечений, пожалуй, даже морали. Все искусно имитируется, если это надо для достижения главного – власти!

В уютной, безукоризненно чистой, щеголевато обставленной гостиной дома в Ларкане идут конфиденциальнейшие беседы. Советский посол слушает, кивает, соглашается, иногда спорит, но не выходит за ту невидимую дисциплинарную черту, чувство которой присуще каждому настоящему дипломату, в какой бы обстановке он ни оказался.

Министр же отчаянно смел и даже безрассуден в своих высказываниях. Лишь позднее стало ясно, что он согласовал свои действия с Айюб-ханом. И тем не менее Зульфикару Али даже в этих рамках было тесно. Уже в то время он видел себя не министром природных ресурсов (именно этот пост занимал он в январе 1961 года) и не министром иностранных дел, которым он стал позднее, а главой пакистанского правительства и государства.

Зульфикар Али очень любил влиять на людей, размягчать их потоком умных слов, выискивать слабину у собеседника

и бить в одну точку, пока человек не становился воском в его руках.

Зульфикар Али обладал привлекательной, живой внешностью – высокий умный лоб, зачесанные назад, слегка выующиеся волосы тогда еще лишь с редчайшими проблесками серебра, продолговатое, оливкового цвета лицо с крупным, пожалуй, немного длинноватым носом, выпуклыми, отчетливо семитского типа, четко очерченными губами, черные, не очень большие глаза и черные брови. Лицо жило – от души смеялось, улыбалось, хмурилось, негодовало. Молод, жизнерадостен, умен и щедр был тогда Бхутто, и, видимо, свод государственных пакистанских небес, который он готовился принять на свои плечи, казался ему в ту пору, издали, легче пуха.

Америка, держащая Пакистан мертвой хваткой военной и продовольственной помощи, втянувшая его в СЕНТО и СЕАТО, создавшая здесь свои, нацеленные на Советский Союз, базы, Америка, подкупающая пакистанскую бюрократию и военных, наглая, ненадежная, своекорыстная, высокомерная Америка – вот что больше всего тревожило министра. Как бы далеко ни уходила нить беседы, рано или поздно она возвращалась к тому, что Пакистану необходимо сбросить удушающее бремя союзнических отношений с США, обрести не фиктивную, а подлинную независимость. Именно из Пакистана, с американской базы Бадабера, совсем недавно вылетел печально знаменитый шпионский самолет У-2, пило-

тируемый Пауэрсом. Самолет был сбит над Советским Союзом, разразился невиданный международный скандал, задевший сердце каждого пакистанского патриота, – американцы, разумеется, не считали возможным ставить пакистанцев в известность о том, в каких целях используется Бадабера. На многих высоких постах в Пакистане сидят американские платные агенты, шпионящие за каждым шагом Айюб-хана, контролирующие все действия правительства. СЕАТО и СЕНТО, ни на йоту не обеспечивая безопасности Пакистана, мешают наладить мирные добрососедские отношения с Индией. «И только Советский Союз, – говорил, убеждал, доказывал министр, – может помочь Пакистану разорвать путы нового колониализма».

Многое не получилось из той обширной и заманчивой программы, которую излагал министр послу. Жизнь идет по своим законам, государство отыскивает свое место во всеобщей системе отношений под воздействием не вполне контролируемых человеческой волей факторов. И если озаренному какой-то идеей лидеру и удастся вытолкнуть свою страну из проторенной колеи, очень велик шанс, что страна вновь вернется на прежний путь, а лидер, смятый или раздавленный, останется на обочине.

Однако после нашего визита в Ларкану посол и министр энергично подтолкнули переговоры о заключении соглашения об оказании Советским Союзом содействия Пакистану в разведке на нефть и газ. Укрепились за министром репута-

ция самостоятельного, готового идти на риск человека. Как иначе объяснить его демонстративные, на глазах американцев, конфиденциальные беседы с советским послом?

Из тетради воспоминаний

Мне рассказывали, как оборвалось земное существование Зульфикара Али Бхутто. Апрель 1979 года. Гремят шаги тяжелых полицейских башмаков в предрассветной тишине, гремит ключ в тяжелой двери самой секретной, самой тщательно охраняемой камеры в тюрьме пакистанского города Равалпинди. На голом бетонном полу, под невыносимо режущим светом электрической лампы лежит человек, ни единым движением не отзывающийся ни на топот, ни на скрежет замка, ни на оклик. Дряхлый, изможденный, с остатками седых волос, прикрытый невозможно продранными и измызганными лохмотьями старик разбужен пинком в бок. Тюремный врач отыскивает высохшую, обтянутую пергаментной нечистой кожей, покрытую ссадинами и язвами руку и, торопясь, делает инъекцию. Старик вздрагивает, блеснувшие было глаза гаснут. Он чувствует еще, как кто-то приподнимает его с пола, чувствует, что его куда-то волокут, пытается идти сам и повисает на жестких руках полицейских.

Старик два года назад был премьер-министром и президентом страны, председателем правящей партии. Он любил, чтобы его называли «председатель Бхутто». Сегодня его ве-

дут на виселицу...

* * *

Поездка в Ларкану была одним из самых ярких эпизодов моей командировки. Эта поездка дала мне возможность увидеть незнакомую мне страну такой, какой она была, — с приветливым нищим народом; с отелями, в которых нет электричества; с бесспорной неординарностью ее тогдашних лидеров; с тонким изяществом зимнего восточного пейзажа: красное солнце, уходящее за пыльный горизонт, завораживающая текучесть воды в канале, затейливый силуэт безлистной акации, прозрачность высокого неба; с утиной охотой и охотой на куропаток; с разноголосьем базара: гортанные крики, вкрадчивый шепот, голос толпы и звон молоточков в медном ряду; с городами, на улицах которых не мелькнет женское лицо...

Работа тем временем шла своим чередом. Мне были поручены вопросы внутренней политики Пакистана, и я занимался этим с энтузиазмом. Знание урду давало возможность общаться не только с элитарными кругами, но и с простыми жителями страны. Я подружился с имамом одной из крупных мечетей Карачи и был у него желанным гостем. Усевшись на циновки в уголке мечети, мы пили чай и разговаривали о жизни. Коммунизм в моем изложении и ислам в толковании имама удивительным образом были похожи...

Когда пошел четвертый год моей работы в Карачи, я невыносимо затосковал по Москве.

В середине сентября 1962 года командировка в Пакистан завершилась. Жена с сыном Алешей уехали в Москву в июне от летней жары, и я доживал последние месяцы один, томясь ожиданием и считая дни до отъезда. Добрый и умный человек – наш посол в Пакистане Алексей Ефремович Нестеренко не стал задерживать меня до приезда замены. Я попрощался с Карачи, как думалось, навсегда. Недолг путь от посольства, располагавшегося в старинном каменном доме в районе Кантонмент по Дриг-Роуд, до аэропорта. Ощущение духоты и зноя живо до сих пор – в посольстве была одна-единственная машина с кондиционером, и, естественно, она предназначалась не для перевозки третьих секретарей. Маршрут Карачи – Дели, два дня в Дели, самолет Ту-104 «Аэрофлота», посадка в Ташкенте и, наконец, Москва, прохладные зеленые просторы, воздух Родины.

Перемена в судьбе

Дом. Можно подвести какие-то итоги четырех лет за рубежом. Что же самое главное?

Разумеется, прежде всего сын, который родился в Карачи. За четыре года я вырос с недипломатической должности референта до третьего секретаря, и, как слышал перед отъездом, посол направил в МИД представление о назначении меня вторым секретарем. В двадцать семь лет это немало.

Мне повезло, считал я. У меня были великолепные наставники, советские послы в Пакистане – покойный И.Ф. Шпедько, ныне здравствующие М.С. Капица и сменивший его А.Е. Нестеренко. Только спустя много лет сумел я оценить, да и то, думаю, не в полной мере, как много дало мне общение с этими столь различными по характеру, по темпераменту, по взглядам на жизнь дипломатами. Общим у них были преданность делу, высочайший профессионализм, дисциплинированный четкий ум и глубокое уважение к коллегам, сколь неприметное положение ни занимали бы они в посольской иерархии. В последующие годы, когда у меня самого стали появляться подчиненные и приходилось работать с начинающими сотрудниками, я частенько вспоминал своих первых учителей, их требовательную заботу, снисходительность к юношеским промахам, тактичное и дружелюбное внимание к себе. Это иногда вовремя останавливало

рефлекторный порыв распечь молодого коллегу за какую-то ошибку, поставить его на место, попрекнуть недостаточной подготовленностью.

Только сейчас мне приходит в голову, что наставники мои были очень молоды. И.Ф. Шпедько и М.С. Капица были назначены послами, когда им не было сорока, А.Е. Нестеренко – пятидесяти лет.

Во время моей первой командировки вторым секретарем посольства работал Б.И. Ключев – глубокий знаток языка урду, пакистанский ветеран. Он приобщил меня к серьезной страноведческой литературе, вдохновлял на посещения университета, прогулки по городу, знакомил с интересными, столь непохожими на нас людьми. Отчасти благодаря его дружеской руке я полюбил Пакистан и узнал об этой стране несколько больше, чем это было тогда принято.

Любовь и интерес к стране пребывания – это приобретение немалое, утешение для души и огромное подспорье в работе. Много раз в дальнейшем мне приходилось с горечью убеждаться, что некоторые сотрудники нашей службы, мои коллеги и подчиненные, абсолютно равнодушны к стране, в которой они живут и работают, не интересуются ее историей и культурой, вникают в ее проблемы ровно настолько, насколько это, по их мнению, необходимо для работы. У таких людей могут быть случайные успехи, они могут выполнять задания чисто оперативного характера, но твердо уверен, что их полезность ограничена.

Скоро я стал работать в отделе Юго-Восточной Азии МИДа СССР. Вакантной должности второго секретаря не было, и пришлось остаться тем, кем был, — третьим секретарем.

Не очень интересной мне показалась работа в отделе. Ограниченные и до предела официальные контакты с иностранными дипломатами, нудная переписка с другими советскими министерствами и комитетами («...при этом направляем...»), скучные партийные собрания. В ту пору я еще не дорос до понимания, что свободное служебное время можно с интересом и пользой для себя заполнять другими делами, не имеющими отношения к прямым обязанностям, заняться наконец научными исследованиями, писать статьи в журналы или для радио (многие этим подрабатывали), читать что-то нужное... Периоды затишья характерны для любого учреждения, они входят в естественный ритм деятельности, перемежаясь с днями и ночами лихорадочной активности. Я этого еще не знал, и жизнь стала представляться мне несколько тоскливой.

В это время и объявился человек, показавший удостоверение сотрудника КГБ и чрезвычайно любезно поинтересовавшийся, не смогу ли я побывать в такой-то день в здании комитета на площади Дзержинского.

Вопреки некоторым утверждениям, до выезда в первую командировку мне не довелось быть знакомым ни с одним сотрудником Комитета госбезопасности. КГБ представлялся какой-то грозной, вездесущей, всевидящей силой, не имею-

щей телесного воплощения. В 1958 году, когда происходило распределение выпускников МГИМО по советским учреждениям, я узнал, что некоторым моим приятелям было предложено пойти работать в КГБ, в подразделение внешней разведки. Тайнственно, загадочно и немного зловеще. Избранные молчали, не делились даже с близкими друзьями, на них смотрели с уважением и долей зависти.

Первых сотрудников ПГУ я увидел в Пакистане, а затем близко познакомился и подружился с одним из них – Н.М. Он показался мне не только обаятельным, но чрезвычайно осведомленным и умным человеком. Общение с ним доставляло мне удовольствие. Видел я и то, что он более раскован, более свободен в суждениях, чем другие советские коллеги, что он знает такие факты, о которых я даже не догадывался. Н.М. резко, по тем временам слишком резко, высказывался о нашей советской действительности. Казалось, и здесь он знает гораздо больше, чем я, и гораздо глубже, чем я, проникает в существенные явления нашей жизни. Н.М. рассказал, что отец его жены был репрессирован и расстрелян в конце тридцатых годов. Моему удивлению не было предела, поскольку я был уверен, что в КГБ не берут тех, чьи родственники или родственники родственников были осуждены.

То время – начальный период разоблачения сталинщины – позволяло свободнее думать и высказываться. И даже на фоне общего «полевения» речи моего друга казались волнующими, дерзкими, предвещающими какое-то совсем новое

и действительно светлое будущее.

И вот мне предложили перейти на работу в КГБ.

Посоветовался с И.Ф. Шпедько, который был в ту пору заместителем заведующего ОЮА. Иван Фаддеевич сказал: «Это большая честь. Соглашайтесь!»

Разведшкола

Сто первая – так именовалась разведывательная школа, впоследствии преобразованная в Краснознаменный институт КГБ имени Ю.В. Андропова.

Впервые в жизни размещаюсь в общежитии. В двухэтажном деревянном доме довоенной постройки начинают ветшать стены, кое-где немного прогибаются полы, но тепло и уютно зимой, а весной в окна стучатся ветви сирени.

В комнате пять постоянных обитателей, все с некоторым житейским опытом, есть даже свой кандидат наук. Мы все поменяли профессию. Домой отпускают только по субботам с возвращением к утру в понедельник.

Учеба кажется несложной. Самое трудное – это язык, для тех, кто раньше с ним не работал. У нас такой проблемы нет – впятером владеем девятью языками, есть профессиональная гражданская подготовка. В духе хорошей традиции помогаем в меру своих сил товарищам, которые раньше с языком не работали.

Извечный марксизм-ленинизм. На него отводится очень много учебного времени, и занятия этим предметом напоминают восточный способ молотбы – привязанное к оглобле животное ходит по кругу по разостланным на току снопам и своими копытами выбивает из колосьев зерна. Каждый из нас уже совершил несколько кругов по вытоптанной соло-

ме, неизвестно, остались ли там какие-то зерна, но бессмысленное топтание продолжается. Здесь не нужно ни сообразительности, ни эрудиции – запомни несколько расхожих на сегодняшний день суконных выражений, следи за передовыми статьями в «Правде» (самое неблагодарное и бесследное для любого ума чтение) и не смущайся. Марксизм-ленинизм в тогдашней трактовке был предельно далек от науки. Его клишированные формулы и понятия имели характер ритуальных заклинаний, что-то вроде ежедневного и ежечасного подтверждения лояльности. Каждое учебное пособие даже в нашем, весьма специальном, учебном заведении начиналось с благочестивого тезиса о классовом характере разведки. (Время, когда классовый характер приписывался физике, биологии, математике, уходило медленно. У нас медленнее, чем у других.)

Лекции по марксизму и время, отводимое на подготовку к семинарам, давали, однако, прекрасную возможность читать в свое удовольствие то, что тебе нравится. Народ в нашей комнате подобрался непьющий, интересующийся жизнью, читающий, и мы пользовались книгами не столько из библиотеки, сколько обменивались ими друг с другом.

Невероятно интересными показались специальные дисциплины, то есть обучение основам и приемам разведывательного ремесла. В последующие годы в нашей среде получил официальное распространение термин «разведывательное искусство». Он вызывает у меня возражения. Подозре-

ваю, что первоначально он возник в результате не совсем точного перевода названия книги бывшего шефа ЦРУ Аллена Даллеса *The Craft of Intelligence* (казалось бы, Даллес вполне мог употребить слово *Art*, если бы он считал разведку искусством). Несомненно, сыграло свою роль и тщеславие профессионалов. Принадлежность к области искусства, а не ремесла многих возвышало в собственных глазах.

О моей профессиональной этике

Я считаю разведку сложным и своеобразным ремеслом, где, как и в каждом ремесле, есть элемент искусства, где нужны соответствующие способности, но владение основными приемами работы, кропотливый труд, тщательная профессиональная подготовка, добросовестность важнее, чем порывы вдохновения, которыми живет искусство. Этот взгляд я отстаивал в дальнейшем в официальных дискуссиях, далеко не всегда встречая одобрение ветеранов. Велико очарование слов, от него трудно избавиться.

Фотография во всех ее специальных вариантах, изготовление микроточек, тайнопись, средства связи, средства негласного съема информации, основы приобретения источников и работы с ними, методика ведения наружного наблюдения и приемы его выявления – все это было ново и чрезвычайно увлекательно.

Венцом всего были практические занятия в городе, про-

должавшиеся несколько дней. Надо было провести ряд операций по связи с агентом, включая личную встречу. Сложнейшая задача заключалась в том, чтобы убедиться, нет ли за тобой слежки («выявить наружное наблюдение»), чтобы не позволить контрразведке зафиксировать проведение операции и, упаси боже, не вывести ее на источника.

Выявить наружное наблюдение, определить состав работающей за тобой бригады – задача очень непростая. С нами работают профессионалы Седьмого управления КГБ, проходящие здесь переподготовку. По окончании занятий сравниваются отчеты слушателя разведшколы – объекта наблюдения и отчеты наблюдающих.

Это редкая ситуация, возникающая в реальных условиях лишь тогда, когда нам удастся приобрести источник в советском отделе иностранной контрразведки. Там, однако, исключен совместный разбор операции и выявление неточностей в отчетах. Сотрудникам иностранных служб наружного наблюдения присущи человеческие слабости, грубые искажения реальной ситуации в их сводках вещь довольно обычная. Во всяком случае, упоминаний о собственных просчетах наблюдающих не встречается, наблюдаемый же иногда наделен сверхчеловеческой изворотливостью и коварством. Это бывает тогда, когда «наружники» упускают объект по собственной нерасторопности или несогласованности действий.

Нельзя полагаться на то, что наружка сама проявит себя.

Нельзя, за исключением чрезвычайных ситуаций, устраивать грубую проверку. На занятиях и в жизни мы исходим из того, что поведение разведчика не должно вызывать подозрение ни у профессиональных, ни у случайных наблюдателей. Если служба наружного наблюдения отмечает, что иностранец грубо проверяется, у нее появляется стимул работать конспиративнее, изобретательнее и настойчивее. Иностранец же попадает в разряд подозреваемых или установленных разведчиков, что может осложнить его жизнь.

Таким образом, для успешной проверки необходим заранее подобранный, естественный маршрут, позволяющий неоднократно и неприметно понаблюдать за ситуацией вокруг себя. Иногда и в учебных, и в боевых условиях используется контрнаблюдение – на разных точках маршрута прохождения разведчика контролируют другие работники. Им легче заметить возможную слежку и условным сигналом (по радио, припаркованной в определенном месте машиной и т. п.) предупредить коллегу об опасности. Способ эффективный, но не лишенный недостатков. Люди, выдвинутые на точки контр-наблюдения, могут сами привести за собой слежку. Такие случаи бывали. Нежелательно, чтобы о намеченной операции и районе ее проведения знал кто-либо, кроме резидента или его заместителя. Это правило, к сожалению, сплошь и рядом нарушается. Есть и еще негативный момент: зная, что его подстраховывают товарищи, работник, проводящий операцию, может излишне расслабиться – утра-

тить бдительность.

Разведчик в поле одинок, во всех ситуациях он должен рассчитывать только на себя.

Мы тщательно готовили маршруты, предусматривая смену транспорта, заход в учреждения, логическую связь своих действий. В школе от поколения к поколению передаются описания мест, удобных для проверки. (Кстати, затеряться в толпе практически невозможно, так же как невозможно в толпе выявить слежку.) Беда в том, что подобные же описания передаются от поколения к поколению наших оппонентов – разведчиков наружного наблюдения. Надо искать свои оригинальные ходы.

Занятия завершаются успешно. Удастся выявить наблюдение, провести благополучно все запланированные операции по связи с источником. Игра захватывает.

Это была игра, но велась она по настоящим правилам, требовала настоящего нервного напряжения, выдумки и просто физической выносливости. Игра приобщала слушателей к профессии, посвящала в профессиональные тайны, сплачивала нас в корпорацию.

Несколько слов о корпоративности. В Комитете госбезопасности к Первому главному управлению издавна сложилось особое, уважительное, но с оттенком холодности и зависти отношение. Сотрудники службы во многом были лучше подготовлены, чем остальной личный состав комитета в целом, они работали за рубежом и, следовательно, были

лучше обеспечены материально, им не приходилось заниматься «грязной работой», то есть бороться с внутренними подрывными элементами, круг которых никогда радикально не сужался. Попасть на службу в ПГУ было предметом затаенных или открытых мечтаний большинства молодых сотрудников госбезопасности, но лишь немногие удостоивались этой чести. Разведка была организацией, закрытой не только для общества, но и в значительной степени для КГБ. Сама специфика работы сплачивала разведчиков в своеобразное товарищество со своими традициями, дисциплиной, условностями, особым профессиональным языком. Мне всегда казалось, что товарищество, корпорация необходимы для людей, занятых общим делом. Именно в рамках такой корпорации можно делиться опытом, разрешать сомнения, лучше узнавать друг друга. Наша работа – это преимущественно упорный и незаметный труд, медленное продвижение вперед, к какой-то заветной цели, но бывают моменты, когда успех, а то и судьба разведчика зависят от помощи его коллег.

Хочу повторить – люди нашей профессии должны являть собой корпорацию, товарищество. Это залог нашего морального благополучия, а следовательно, и успеха.

* * *

Учиться было интересно.

На весенних городских занятиях мне удалось придумать схему проведения тайниковой операции с использованием очень простого в изготовлении и применении контейнера. Операция была отмечена премией. Я почувствовал себя профессионалом. Свою удачную идею в дальнейшем пришлось применить на практике. Она себя оправдала.

Офицеров разведки необходимо готовить индивидуально. Для этого нужно иное состояние общества, иное отношение к затратам, к современной психологической науке, иное отношение к будущему разведчику. Экстенсивный способ подготовки, когда слушателю и молодому офицеру дается всего понемножку и меньше всего умения самостоятельно мыслить, самостоятельно ориентироваться в острых ситуациях и принимать моментальные решения, этот способ изживает себя. Но при всех недостатках старая школа воспитывала неоценимое чувство принадлежности к единственному в своем роде товариществу.

Я вспоминаю нашу комнату в зимний вечер. На столе чай и черные сухари, отставлены в сторону шахматы. Мы еще не нюхали пороху, но мы серьезны и целеустремленны. Говорим не о женщинах, не о спорте и не о выпивке – традиционных предметах разговоров у молодых людей. Случайно возникшая сегодня тема – этнопсихология. Ученый коллега, обитатель нашей комнаты, просвещает остальных. Спорим, курим, пьем чай и учимся очень важному – учимся думать.

В 1963 году мы получили первую в своей жизни отдель-

ную квартиру: на Волгоградском проспекте, в Кузьминках, на первом этаже пятиэтажного дома, который потом стали называть «хрущевским», две смежные комнаты и кухня. Чудо! Не медля ни дня после получения ордера, переехали туда из Марьиной Рощи. Вода – горячая и холодная, чистота, своя крыша над головой – какое счастье! Через год у нас родилась дочка Танечка. А в декабре 1964 года, когда Танечке было пять месяцев, отправились мы всем семейством во вторую заграничную командировку.

И куда же? В Карачи!

Знакомое солнце

Итак, снова Карачи. Много старых знакомых, уважаемый мною посол, то же солнце, та же каменистая земля. Меня определяют во внутривластическую группу посольства под начало советника В.Ф. Стукалина. Виктор Федорович – новичок в мидовской системе, он взят на дипломатическую работу из партийного аппарата и распределен в Пакистан по окончании Высшей дипломатической школы. Это не первый кадровый партийный работник, с которым к тому времени мне пришлось познакомиться. Виктор Федорович мне сразу понравился. У него живой ум, располагающая спокойная манера держаться, искреннее стремление разобраться в море сложных пакистанских проблем и найти свое место в посольстве. Эта задача, пожалуй, сложнее всех прочих. Советник – ключевая фигура, один из столпов, на которых держится посольство. Он должен знать и уметь все. Стукалина явно не хватает дипломатического опыта.

Посол относится к новому советнику корректно, но корректнее и суше, чем к другим дипломатам. Виктор Федорович делает вид, что все нормально, но я чувствую, как он переживает ситуацию, в возникновении которой он сам ничуть не повинен. Мы становимся друзьями настолько, насколько это позволяет разница в возрасте и служебном положении. Я честно тружусь во внутривластической группе,

пишу справки, составляю записи бесед, участвую в совещаниях, завожу полезные для посольства связи. Трудно приходится без своей автомашины. Посольство договаривается с представителем ССОД Львом Мухиным, и он дает мне во временное пользование полуразвалившийся «москвич» с вечно подтекающим радиатором и порванными сиденьями. Каждый день начинается с ведра воды, которое я заливаю в глотку своей машины. Однако проблема передвижения решена. В отличие от прошлых лет мне уже не приходится пользоваться ни ужасным местным такси, ни еще более ужасным моторикшей – трехколесным мотоциклом с задним сиденьем на двоих и пластиковой крышей над головой. Сиденья такси и моторикши покрыты пластиком. После пятнадцатиминутной поездки по летнему Карачи пассажир выглядит так, будто его полили из шланга.

Мне не сидится ни в посольстве, ни дома. Я вновь осваиваю Карачи, вновь хожу по столь дорогим моему сердцу книжным магазинам «Гринич», «Пак-Америкэн», «Томас энд Томас», радуюсь обилию новых книг и печалюсь скудости своих финансов. Покупаю книги для посольской библиотеки. Оказывается, для этого выделяются небольшие средства. Начинаю бывать с новыми знакомыми в местных кафе и ресторанах.

Дело в том, что, помимо В.Ф. Стукалина, у меня есть настоящий начальник, резидент Сергей Иванович С. В недрах старого посольского дома, на верхних этажах, куда надо под-

ниматься по скрипучим деревянным лестницам с шаткими перилами, в невыносимой чердачной духоте есть несколько маленьких комнаток. Вход туда простым сотрудникам посольства заказан. Я не простой дипломат, а офицер разведки.

Скрыть ведомственную принадлежность, работая в посольстве, невозможно. Твои «чистые» коллеги («чистые» – не имеющие отношения к КГБ и ГРУ) знают о тебе все. Ты учился или работал с ними, а затем на некоторое время исчезал – этого уже достаточно для правильного вывода. Ты появился откуда-то со стороны. Партработники своего пути в дипломатию не скрывают. Новый человек не из их числа. Вопрос лишь один – принадлежит он ГРУ или КГБ? Невозможно тайно пробраться по скрипучим лестницам в помещение резидентуры, а бывать там надо часто. Вся переписка разведки совершенно секретна. Знакомиться с ней, готовить информацию, оперативные отчеты в общих служебных помещениях запрещено. Есть и еще много признаков, по которым опытный взгляд мог различить, кто есть кто. До тех пор, пока разведки мира используют посольские прикрытия, полностью избежать этого невозможно. Есть, однако, способы до минимума свести возможность расшифровки и, главное, негативные последствия этого.

О моей профессиональной этике

Вот рекомендации, которым я впоследствии пытался при-

дать директивный характер:

- исполнять в полном объеме и с предельной добросовестностью все обязанности, которые возлагаются на «чистого» сотрудника, занимающего подобную должность. За долгие годы за рубежом мне не приходилось видеть в посольствах человека, который бы ломался под непосильным грузом работы. Людей губит неорганизованность, несобранность, неумение отделить важное от пустяков. Разведчик должен уметь работать и нести двойную нагрузку;

- ни при каких обстоятельствах, ни в служебной обстановке, ни в дружеской компании, офицер разведки не должен даже намеком давать понять о своем особом статусе. Это тяжелый искус, особенно для молодого человека. Ему нельзя поддаваться. Скромность и неприметность – наши профессиональные качества, условия успеха. Было время, когда само название КГБ внушало людям страх. Те из нас, кто был амбициознее, хвастливее, использовали это для самоутверждения. Последствия этого недопустимого поведения служба ощущает до сих пор;

- с неизменным уважением относиться к «чистым» сотрудникам, не жалеть времени и сил для того, чтобы помогать им. Это по-человечески приятно и окупается сторицей;

- никоим образом не вмешиваться в дела посольства и не пытаться наводить в них свой порядок. Разведчик находится за рубежом не для этого. Посол должен быть уверен, что резидентура помогает ему или по меньшей мере не мешает

его работе. Попытки устанавливать какую-то параллельную власть, соперничать с главой миссии чаще всего кончаются плачевно. Служба отвлекается от работы и погрязает в склоке.

Мелкий, но неприятный конфликт возникает и у нас между послом и резидентурой. Здание посольства ветшает, не держится краска на стенах, отваливаются куски лепнины с потолков. Не в лучшем состоянии и главный кабинет посольства, и у кого-то появляется мысль обшить его стены деревянными панелями. В дело вмешивается резидентура, которая дает заключение о недопустимости реконструкции кабинета с точки зрения безопасности. Возникший спор кончается телеграммой МИДа, запрещающей послу намеченные работы. Не знаю, кто был прав в этом споре. Несомненно, у резидентуры должны были быть веские резоны для возражений. Мы знали, что наши американские коллеги, работавшие в теснейшем контакте с местными спецорганами, искали малейшие возможности, чтобы внедрить устройства для негласного подслушивания в жилые и особенно в служебные помещения советских учреждений. Любые ремонтные работы в советском посольстве такую возможность давали.

Мне показалось тогда, что резидентура высказала свои возражения недостаточно тактично, не попыталась найти какой-то вариант, который позволил бы удовлетворить желание посла и соблюсти все требования безопасности. Посол обиделся, стены его кабинета оказались окрашенными мас-

ляной краской безобразнейшего коричневого цвета. Служба своими руками оттолкнула от себя порядочного и доброжелательного человека.

Кстати, о подслушивании. Это важнейшее орудие каждой разведки и контрразведки. Резидентура в Карачи имела абсолютно надежные данные, что все телефоны, которыми пользуются советские граждане, круглосуточно контролируются пакистанцами и резидентурой ЦРУ, действующими в теснейшем контакте. Демократизация и гласность в ту пору еще не коснулись советских учреждений за рубежом, порядки в том, что касалось бдительности в отношении происков противника, были жесткими, и к телефону все советские граждане относились настороженно. Получить существенную информацию по этому каналу было трудно, хотя в совокупности даже крупницы сведений о контактах советских дипломатов, взаимоотношениях в посольстве представляли для американцев несомненный интерес. В дальнейшем мне пришлось убедиться, что резидентуры ЦРУ и в других странах обязательно пытаются использовать телефонные каналы. Практика очень разумная.

Внедрение техники подслушивания – задача несравнимо более сложная и рискованная, но удачно проведенная операция может дать весомые результаты, особенно если удастся добраться до служебных кабинетов. У людей есть привычка диктовать конфиденциальные и секретные материалы, проводить регулярные совещания, на которых откровен-

но излагаются все точки зрения. Если эти люди к тому же не слишком заботятся о безопасности своих помещений, то задачи разведки и контрразведки заметно упрощаются. Однажды установленное устройство может работать очень долго.

Американская разведка искала бреши в нашей защите. Особенно заманчивые перспективы замаячили перед нашими коллегами в связи с переездом советского посольства из Карачи во временную столицу Пакистана Равалпинди в 1965 году. Не могу без улыбки вспомнить, как во время дружеской встречи молодых дипломатов в Равалпинди, устроенной англичанином Н. Баррингтоном (мне еще придется встретиться с ним в Тегеране), американский и английский коллеги с невинным видом задавали вопросы об арендованном под посольство здании: велик ли кабинет посла, выходит ли он на солнечную сторону, не мешает ли шум с Пешавар-Роуд и т. п. Со столь же невинным видом я говорил им неправду.

Надо ли поминать, что на усилия американских и английских коллег мы отвечали полной взаимностью. Здание американского посольства в Карачи, построенное знаменитым Нимейером, привлекало внимательные взоры резидентуры. Мы подходили к нему то с той, то с другой стороны, никогда не отказывались от заветной цели, а известно – вода точит и камень.

Американское посольство перебралось в Исламабад. Наша работа продолжилась и там.

Каким же представлялся нам и чем был Пакистан на самом деле в те годы?

Эта страна принадлежала к двум военно-политическим пактам – СЕНТО и СЕАТО, созданным под эгидой США в разгар холодной войны. Направленность пактов против Советского Союза не вызывала ни у кого ни малейших сомнений. Американцы чувствовали себя в Пакистане полными хозяевами – они вооружали пакистанскую армию, оказывали стране экономическую помощь, контролировали ее спецслужбы. В мае 1960 года с военной базы Бадабера под Пешаваром стартовал сбитый над Советским Союзом разведывательный самолет У-2, пилотируемый Г. Пауэрсом.

Осложняла ситуацию и постоянная конфронтация Пакистана с дружественными Советскому Союзу Афганистаном и Индией.

Однако именно в этот период президент Пакистана Айюб-хан, вдохновляемый Зульфикаром Али Бхутто, сделал ряд шагов к сближению с Советским Союзом. Было подписано соглашение о проведении советскими специалистами поисков нефти и газа в Пакистане, состоялся визит Айюб-хана в СССР, наладились регулярные обмены делегациями.

Задачи резидентуры заключались в том, чтобы следить за деятельностью американцев, англичан и их союзников в Пакистане (эта деятельность априорно и обоснованно рассматривалась как враждебная Советскому Союзу), получать информацию о СЕНТО и СЕАТО, не упускать из виду отноше-

ния Пакистана с Индией и Афганистаном и, разумеется, уделять самое серьезное внимание китайцам и пакистано-китайским отношениям. (Именно в то время в штат советских посольств во многих странах были введены должности специально для экспертов-китаистов. Естественно, то же было сделано и в резидентурах.)

Задачи, как видим, чрезвычайно ответственные, и для их решения нужны соответствующие источники. Приобретение источников – главная цель каждого оперативного работника и резидентуры в целом.

Мой новый начальник, Сергей Иванович, с которым я познакомился, лишь прибыв к месту службы, показался мне человеком необыкновенным. На его рабочем столе, например, постоянно лежала Библия, которую время от времени в подходящих случаях он цитировал. Томик Ленина в ту пору украшал многие начальственные столы, было модно «посоветоваться с Лениным», но «посоветоваться с Библией»? Это было непривычно и странно. Резидент не брал в рот спиртного. Это тоже не укладывалось в привычные рамки, даже противоречило традиции. Говорил Сергей Иванович несколько старомодным языком, очень грамотными, складными и выразительными фразами, никогда не опускался до ругани. Начальник отдела в Центре В.И. Старцев, другие коллеги не стеснялись высказывать свое отношение к жизни, начальству и особенно к подчиненным с помощью всем известных русских выражений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.